

Никифор, архиеп. Константинопольский, свт. Разбор и опровержение невежественного и безбожного суесловия нечестивого Мамоны против спасительного воплощения Бога Слова / Пер. И. Д. Андреева; под редакцией М. Д. Муретова // Богословский вестник 1906. Т. 2. № 5. С. 129—144 (1-я пагин.). (Продолжение.)

Если говорить шутки по поводу вашего невѣжества и безстыдства, я спрошу васъ—описуемъ-ли описуемый или нѣтъ, (*περιγράφεται ὁ περιγραφόμενος*)? Такія рѣчи достойны вашей тупости и безумія. Можетъ быть, вы не согласитесь и съ этимъ. Въ глазахъ христіанъ это нелѣпо и смѣшно, ибо даже послѣ божественнаго воскресенія въ томъ же тѣлѣ, хотя и обогатившемся нетлѣніемъ, Христосъ входитъ при запертыхъ дверяхъ, является ученикамъ для осязанія и показываетъ язвы отъ прободенія ребра и отъ гвоздей на рукахъ. Вы не внимаете тѣмъ, которые говорятъ: *иже съ нимъ ядохомъ и пихомъ* (Дѣян. 10, 41). И что всего дивнѣе, воплощенный вознесся на небо и былъ видимъ именно въ тѣлѣ. Это подтверждаютъ также слова ангеловъ, слышанныя учениками: *иже образомъ видѣсте его идуща на небо, такожде прїидетъ* (Дѣян. 1, 11), именно тотъ самый, который возсѣдаетъ одесную Бога, и снова грядетъ со славою Отчею, дориносимый въ томъ же тѣлѣ, чтобы быть видимымъ даже не видящими и заставить увѣровать невѣрующихъ. И говоря кратко, что такое вознесеніе, если не восхожденіе Его тѣла, которое Онъ перемѣстилъ изъ одного мѣста въ другое? Итакъ, все это признаки тѣла описуемаго (*περιγραπτός*), подобнаго нашему, хотя и превышающаго наше, какъ бы ни противились этому беззаконники. *Аще не разумѣмъ Христа по плоти* (2 Кор. 5, 16). Эти слова показываютъ, что онъ уже свободенъ отъ трудовъ, голода, жажды и всѣхъ нашихъ страданій плоти и немощей, не говоря о грѣхѣ, (которому никогда не былъ причастенъ). Разъ облекшись въ нетлѣніе, Онъ уже не можетъ подлежать этимъ страданіямъ.

18.—Безъ сомнѣнія, находясь здѣсь, когда Онъ былъ видимъ людьми и обращался съ ними, когда

напр. училъ, присутствуя въ храмѣ тѣлесно, Онъ былъ описуемъ—ограниченъ (*περιεγραπτο*). Находясь здѣсь, Онъ въ тоже время тѣлесно не былъ въ Галилѣе, хотя какъ Богъ, все наполняющій и присутствующій вездѣ и надъ всѣмъ, Онъ—скажемъ такъ—и не описуемъ. Затѣмъ: какъ и откуда переходитъ въ Вифанію тотъ, который говоритъ ученикамъ: *радуясь васъ ради, да въруете, якоже не бѣхъ тамо* (Іоан. 11, 15). Готовясь совершить это великое таинство, Онъ ясно показалъ этимъ предвареніе общаго и вселенскаго воскресенія. Воззвавъ начавшаго смердѣть послѣ четырехъ дней, какъ живого, изъ преисподняго и мрачнаго ада, соприсчисливъ къ живымъ направлявшагося къ тлѣнію и подлежавшаго разложенію, Онъ ясно показалъ Свою силу чудесно животворить умершихъ. И однако будучи здѣсь, Онъ въ тоже время не является тѣлесно въ Капернаумѣ или въ другомъ мѣстѣ. И вообще находясь въ одномъ мѣстѣ, Онъ не былъ въ другомъ. И теперь, когда Онъ взшелъ на небо, я не знаю, чтобы кто-либо сталъ утверждать, что Онъ обращается съ людьми тѣлесно, хотя по обѣтованію инымъ способомъ Онъ и вѣчно пребываетъ съ нами, какъ вѣрными и Своими, если только не будутъ и противъ этого возставать враги нашей вѣры. Чтобы не распространяться и не растягивать рѣчь нашу, скажемъ, что если Христосъ воплотился, то Онъ пребываетъ въ пространствѣ и описуемъ, ибо пространство служитъ предѣломъ содержанія, поскольку оно объемлетъ содержимое и объемлется предѣлами, въ коихъ заключается содержаніе.

19. Итакъ очевидно, что Христосъ истинно, а не по виду только нося наше тѣло и находясь въ какомъ-либо мѣстѣ, не былъ вездѣ, откуда ясно, что Онъ былъ описуемъ. И если они не согласятся съ

этимъ, то пусть укажутъ другой способъ, вмѣстѣ съ докетами, какъ одержимые ихъ злосчастнымъ заблужденіемъ, грезя, что воплощеніе и распятіе Господа имѣло мѣсто только въ воображеніи. Докеты именно пустословили, что Христосъ не былъ распятъ, что Онъ возсѣдалъ на горѣ и смѣялся надъ Іудеями, когда они распинали Симона, думая, что распинаютъ Христа. Итакъ, мы не описываемъ Христа, и Онъ не становится описуемымъ оттого, что мы Его изображаемъ. Такъ пустословятъ эти безумцы и невѣжды, лишенные здраваго смысла и ни въ чемъ не уступающіе сумасшедшимъ. Между тѣмъ мы не описываемъ Его, ибо какъ можно описывать Того, Кто не присутствуетъ тѣлесно? Но мы изображаемъ Его—скажемъ такъ, чтобы яснѣе представить значеніе этихъ словъ—не по скольку Онъ описуемъ, а поскольку природа Его подлежитъ изображенію. Также и иконы представляютъ Его всеѣмъ не по скольку Онъ описуемъ (*περιγραπτός*), а поскольку изображаемъ. Мы изображаемъ Его, не какъ Слово и Бога (да не будетъ сего, ибо Онъ невидимъ, неосязаемъ, безобразенъ, и мысль объ этомъ есть безуміе и крайнее безразсудство), но по скольку Онъ содѣлался человѣкомъ и былъ вездѣ видимъ. И не такъ, какъ являлся Аврааму и пророкамъ въ образѣ человѣка, а сообразно съ тѣмъ, что *Слово плоть бысть и вселися въ ны*. „Слово одѣбелѣло“ т.-е. воспріяло нашу плоть. „Безначальное зачинается“, „неосязаемое осязается“—и прочее, что предано Духомъ и во что мы вѣруемъ. Такимъ образомъ описуемость создаемъ не мы, а Снисшедшій и домостроительно Облекшійся въ нашу нищету; изображенія же изготовляемъ мы, ибо вѣруемъ въ это, приѣмлемъ и чтимъ, открыто проповѣдуемъ проистекающее отсюда для насъ благодареніе

и спасеніе, побуждаемся къ этому Божественною любовію и Духомъ и приводимъ на память совершенное ради насъ домостроительство.

Итакъ, совершенно неразумно утверждать, что тѣло съ одной стороны истинное, а съ другой, что оно неопиcуемо и неизобразимо, каковымъ ошибочно считаютъ по своему неразумію тѣло Христа иконоборцы, хотя такимъ путемъ можно бы упразднить матеріальность (тѣла) и воплощеніе Слова. Съ ихъ точки зрѣнія возможно даже назвать Христа, вмѣстѣ съ единомышленными имъ Іудеями, обманщикомъ и говорить даже что-либо еще болѣе нечестиво, потому что Онъ показывалъ и представлялъ принадлежащимъ Ему то, чего у Него не было. Пусть клеветуютъ и на воскресеніе и другія таинства домостроительства, совершенныя ради насъ, воображая, что все происходило только для вида. Что-же изъ этого слѣдуетъ? А то, что они должны допустить, или что Слово не воплощалось, или-же что Оно воплотившись неопиcуемо, дабы въ первомъ случаѣ выказать свое невѣріе, а во второмъ безуміе соединенное съ невѣріемъ. Что безумнѣе или скотоподобнѣе утвержденія, что Слово воплотилось, но неопиcуемо и неизобразимо? Для доказательства своихъ безбожныхъ положеній они ссылаются на единство ипостаси, но въ дѣйствительности все у нихъ направлено къ другой цѣли. Все дѣлаютъ они, движимые ненавистію къ первообразу, дабы съ упраздненіемъ образа исчезла и память о первообразѣ, ибо дѣйствительно тяжело имъ видѣть Христа на иконѣ.

Считаю умѣстнымъ спросить облеченныхъ священнымъ саномъ о слѣдующемъ: если вы говорите, что плоть, которую воспринялъ Христосъ, неопиcуема по причинѣ единой ипостаси,—неопиcуемое же, какъ со-

гласны всѣ, у кого органы чувствъ находятся въ нормальномъ состояніи; невидимо,—невидимое же неосязуемо, недоступно воспріятію и вообще говоря безтѣлесно: то что-же есть то, надъ чѣмъ вы священнодѣйствуете во время совершенія таинствъ, приступая къ святынѣ, какъ говорится, съ иззутыми ногами? Если это тѣло неосязуемо, какимъ образомъ приносите его въ жертву? И что жрется? Вѣдь то, что невидимо, не жрется и не закаляется? И что есть то неосязуемое, что вы осязаете, какое тѣло? Куда же дѣнется то, что держите въ рукахъ, что взимается устами и что описуемо—ограничено (*περιγραφομενον*), что размельчаете зубами и что дѣлается вкушаемымъ, если дѣйствительно оно, будучи неосязуемымъ, не жрется? Ибо нельзя же сказать, что Слово Само по Себѣ можетъ быть вкушаемо. Какимъ же образомъ вы смерть Христову возвѣщаете или исповѣдуете воскресеніе и преданное служителямъ слова въ ту священную ночь, когда Онъ содѣлалъ ихъ причастниками этихъ таинствъ? Вы выказываете себя безумцами, ибо утверждаете, что Христосъ въ дѣйствительности не принесъ Себя въ жертву, такъ какъ у Него не было описуемаго тѣла. Итакъ въ своемъ заблужденіи вы противорѣчите самимъ себѣ, ибо допускаете, что приносится въ жертву то, что по вашимъ словамъ приноситься въ жертву не можетъ. Ибо какъ неопишуемое можетъ быть приносимо въ жертву, осязуемо, вкушаемо? Изъ этого вполне ясно, что вы, вполне заблуждаясь относительно тѣла Христова, зачеркиваете и отмечаете преданное относительно этихъ таинствъ въ Евангеліяхъ вмѣстѣ со всѣмъ прочимъ, потому что согласно съ вашимъ учителемъ допускаете не тѣло собственно, а образъ тѣла. Въ соотвѣтствіе съ тѣмъ понятіемъ образа, которое вы проповѣдуете, вы необходимо должны

признать, что по причинѣ единой ипостаси вмѣстѣ съ тѣломъ приносится въ жертву и Слово, или же, такъ какъ Слово неопиуемо, Оно отдѣляется отъ тѣла, и въ такомъ случаѣ вы причащаетесь и освящаете не что иное, какъ только простой хлѣбъ и вино. Нельзя и думать о томъ, чтобы такимъ путемъ вы получали спасеніе или же освященіе. Вѣрный же не обманывается, ибо вѣруетъ, что хлѣбъ, освященный достойными служителями, есть тѣло Христово; взимая его руками, онъ знаетъ что оно опиуемо; вкушая его, онъ освящается, очищается отъ грѣховъ и пріобрѣтаетъ твердое упованіе, что чрезъ это онъ удостоится царства небеснаго.

ОПРОВЕРЖЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Но защитники невѣрія хотя сами требуютъ твердыхъ доказательствъ даже всѣмъ извѣстнаго и очевиднаго въ томъ случаѣ, когда преслѣдуютъ цѣль нечестія своего—извратить правое ученіе Церкви и гоняются за славою талантливыхъ и остроумныхъ богослововъ среди обманываемыхъ ими, однакожъ, когда сама истина изобличаетъ и преслѣдуетъ ихъ, пускаются въ нелѣпыя изысканія и неумѣстныя доказательства, сочиняютъ скверное пустословіе, подвигаютъ христорборный языкъ свой на неразумные и невѣжественные вопросы, терпя караблекрушеніе въ вѣрѣ (I Тим. 1, 19), ничего не зная, но, согласно Писанію, страдая недугомъ состязаній и словопреній (I Тим. 6, 4). Вслѣдствіе сего они выражаютъ предъ нами недоумѣніе: откуда вы заимствовали обычай начертывать иконы и преданіе поклоняться имъ? Они надѣются такимъ путемъ поставить насъ въ затруднительное положеніе и лишить насъ бодрости.

I.—На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ соотвѣтствующимъ возраженіемъ: откуда у васъ евангельскія книги, отъ кого вы приняли поклоненіе, которое имъ воздаете, а также крестъ и все другое, чему въ христіанской церкви воздается почтеніе и поклоненіе? Когда они слышатъ это, весьма сердятся и съ гнѣвомъ утверждаютъ, что о семъ нельзя спрашивать, опасаясь вступить съ нами въ споръ объ этомъ. За-

тѣмъ, такъ какъ имъ некуда дѣваться (ибо что другое они могутъ сказать), они прибѣгаютъ къ преданію. Подобно тому какъ люди, освобожденные отъ оковъ, устремляются на свободу и волю, такъ и они ссылаются на то, что церковь изначала приняла заключенную въ Писаніяхъ и явленную чрезъ нихъ благодать. Между тѣмъ при видѣ ихъ невѣрія и безумія можно утверждать, что имъ нужно еще другое Писаніе или какое-нибудь другое доказательство, удостоверяющее и подтверждающее истинность тѣхъ Писаній, а для этого послѣдняго Писанія еще иное,— и такъ въ безконечность.

Но допустимъ въ этомъ случаѣ ихъ нелѣпости. Они выдвигаютъ преданіе, относительно котораго желаютъ, чтобы оно имѣло силу въ томъ, что имъ нравится, и которое они стараются отвергнуть въ томъ, въ чемъ оно не согласуется съ ними, хотя преданіе во всемъ его объемѣ одно и тоже по существу, давности и авторитету. Но зачѣмъ, можетъ быть скажетъ кто, спорить съ людьми, которые не убѣждаются ни словомъ, ни дѣломъ, не понимаютъ ни того, что говорятъ, ни того, что слышатъ, даже отчаялись въ своемъ спасеніи? Тѣмъ не менѣе слово истины должно быть высказано безбоязненно. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что къ тому, что говорятъ и слышатъ о Богѣ, должно приступать съ подобающимъ благоговѣніемъ и страхомъ Божиимъ. Затѣмъ въ этихъ предметахъ надлежитъ руководиться вѣрою, чтить ее, внѣдрять ее въ душахъ, принимать ученіе о нихъ правымъ сердцемъ и напротивъ уклоняться отъ пустаго и празднаго совопросничества, совершенно отвращаться отъ бабьихъ басенъ и гнуснаго пустословія, не заниматься безконечными родословіями, какъ учить насъ Писаніе (Тим. 1, 4), которыя про-

изводятъ больше споры, чѣмъ Божіе назиданіе въ вѣрѣ, не требовать подтвержденія и доказательства знаменіями и чудесами и не колебаться въ мысляхъ относительно главнаго. Это дѣло Іудеевъ и злоумышленіе невѣрующихъ. Кому говорилъ Господь: *О родъ невѣрный, знаменія ищеть, и знаменіе не дастся ему, токмо знаменіе Іоны пророка* (Мѡ. 16, 4)? Не упрямымъ ли Іудеямъ и тѣмъ, что всегда противятся Духу Святому? Надлежитъ уклоняться отъ бесполезныхъ и невѣжественныхъ изысканій, которыя порождаютъ скорѣе словопренія и болтовню, чѣмъ нужное и полезное ученіе отъ принудительныхъ заключеній, получаемыхъ логическимъ путемъ при помощи искусныхъ и софистическихъ приемовъ, и избѣгать такихъ способовъ убѣжденія, которые невольно влекутъ слушателей къ согласію. Все это есть изобрѣтеніе Эллиновъ и невѣрныхъ, ибо какъ Іудеи требуютъ чудесъ, такъ Эллины ищутъ премудрости (I Кор. 1, 2).

2. Для насъ же, чтущихъ вѣру, вѣра да будетъ началомъ и основаніемъ нашего спасенія, и съ ней мы стремимся къ цѣли и концу нашихъ чаяній. Такъ какъ вѣра отъ слуха, то прежде всего *спровати подобаетъ приходящему къ Богу яко есть и взыскающимъ его мздовоздаятель бываетъ* (Евр. 11, 6), вѣровать, а не противиться, приходить съ вѣрою, дабы получить награду послушанія. Вѣра есть чуждое мудрствованій и простое признаніе. Поэтому вѣрою приступаемъ къ благодати, порождаемой въ душѣ вѣрныхъ вѣяніемъ Св. Духа; съ мыслию свободною отъ всякаго невѣрія въ простотѣ сердца не лукавствуя и безъ изслѣдованія принимаемъ преданіе каволической Церкви, какъ возсіявшее отъ божественной благодати. Невѣріе есть наихудшая изъ всѣхъ болѣзней души, начало неразумія и причина гибели, ибо *еще не*

увѣрите, говорить Писаніе, *ниже имате разумѣти* (Ис. 7, 9). Невѣріе не допускаетъ правильнаго отношенія къ ученію истинной религіи; сомнѣніе, затемняя блескъ истины, какъ облако, набѣгающее на солнце, не даетъ мѣста истинному . просвѣщенію разума нуждающихся въ томъ. Итакъ ясно, что нѣтъ ничего тверже и безопаснѣе, какъ начинать съ вѣры. Изслѣдовать же начало начала и основаніе доказательства есть тоже самое, что изслѣдовать вѣру вѣры. Что неразумнѣе и дерзновеннѣе этого? Человѣкъ въ такомъ случаѣ не можетъ имѣть предѣла, гдѣ бы остановиться, и будетъ продолжать выводы въ безконечность, ибо изслѣдуемый вопросъ заставляетъ его переходить къ другому, такъ что, что бы ни дѣлалъ изслѣдующій, онъ придетъ къ вѣрѣ, какъ къ послѣднему началу. Невѣрующихъ безуміе будетъ увлекать въ безконечность, и они не могутъ остановиться, а сокрушатся и погибнуть отъ самихъ себя вслѣдствіе своего невѣрія и жестокосердія.

3. Затѣмъ мы утверждаемъ, что обычай писать или изображать Христа получилъ начало не отъ насъ, не въ нашемъ поколѣніи и не есть новое изобрѣтеніе. Живопись освящена временемъ, имѣетъ за себя древность, современи евангельской проповѣди; почему она честна и священна. Говоря короче и точнѣе: такъ какъ эти священные видимыя изображенія суть символы нашей вѣры, то они существовали и процвѣтали издревле вмѣстѣ съ вѣрой, изначально,—отъ апостоловъ получили начало, а отцами запечатлѣны. Они сообщили намъ какъ въ словѣ ученіе вѣры, такъ и въ этой области о томъ, какъ Спаситель пребывалъ и дѣйствовалъ на землѣ, вслѣдствіе чего и содержаніе евангельскихъ писаній становится изобразительнымъ и яснымъ. Они быть можетъ поступали также, какъ

многіе изъ древнихъ, когда описывали подвиги, повѣствуя о нихъ не только въ книгахъ, но и представляя ихъ въ картинахъ. Нѣчто подобное мы слышимъ и отъ одного изъ учителей церкви: „военные подвиги изображаютъ и писатели и живописцы—одни украшая ихъ словомъ, а другіе начертывая на картинахъ“. Отсюда принимающій сочиненіе необходимо долженъ принять и изображенія, ибо если не приметъ одного, то не приметъ, конечно, и другого. Такъ какъ все содѣланное было домостроительствомъ уничижившаго Себя Слова, то Оно благоволило также и этимъ способомъ явить это домостроительство; отсюда потребовалось болѣе плотяное, но за то и болѣе наглядное описаніе ради людей простыхъ и необразованныхъ, дабы не знающіе грамоты могли зрѣніемъ воспринять то, чего не въ состояніи воспринять чрезъ слово, и усвоить болѣе краткое и наглядное представленіе о тѣхъ дѣяніяхъ. То, чего часто умъ не можетъ воспринять слушаніемъ словъ, зрѣніе, дѣйствуя безошибочно, истолковываетъ изобразительнѣе. Такимъ образомъ то, что Христосъ совершилъ и пострадалъ ради насъ, легко приводится на память и притомъ быстрѣе, чѣмъ чрезъ словесное повѣствованіе, поскольку и вообще зрѣніе быстрѣе слуха при познаніи и удобнѣе для увѣренія. Такъ и до насъ дошло это почитаніе, подтверждаемое съ одной стороны протекшимъ большимъ промежуткомъ времени, а съ другой свидѣтельствуемое и примѣняемое на дѣлѣ достойными довѣрія вѣрующими христіанами.

4. Итакъ, о чемъ же печалиться, когда этимъ путемъ (живописи) чаще вызывается воспоминаніе о Христѣ и подтверждаются благодѣянія и великія дѣла, Имъ ради насъ совершенныя? Но эти виновники бѣдствій завидуютъ спасенію людей и явно не только

для себя, но и для другихъ затворяють царство подобно тѣмъ фарисеямъ, нравамъ и гордости которыхъ они подражаютъ. Итакъ все, что находится въ преданіи Церкви Божіей писаномъ и неписаномъ достойно поклоненія и почитанія и освящаетъ души и тѣла; и для вѣрующихъ въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Если же кто захочетъ говорить объ этомъ тщательнѣе и подробнѣе, тотъ можетъ сказать: такъ какъ евангельскія писанія переданы въ словѣ изначала самовидцами и служителями Слова, самовидцами божественнаго и преестественнаго ученія (Лук. 1, 2) и дѣяній и знаменій, преподавъ и совершить которыя могло только вочеловѣчившееся Слово, то вѣрные съ увѣренностію приняли это не на основаніи простого исходящаго въ воздухъ и кратко звучащаго слова, но также и потому, что они присутствовали при самыхъ дѣяніяхъ, за что и именуются блаженными (Мѡ. XIII, 16). Повѣствованіе, предлагаемое священными изображеніями, начинается отсюда; они вышли изъ одного и тогоже источника (съ Писаніемъ); живопись воспроизводитъ событія, представляя зрѣнію совершившееся, какъ въ другомъ мѣстѣ я подробнѣе говорилъ объ этомъ и ясно доказалъ невозможность обвинять живопись.

5. Но и самыя слова суть образы вещей и слѣдуютъ за ними на второмъ мѣстѣ, какъ за главными. Слова сначала доходятъ до слуха: звуки рѣчи прежде достигаютъ тѣхъ, къ кому обращены, и затѣмъ уже слушатель путемъ заключенія доходитъ до воспріятія вещей, о коихъ идетъ рѣчь. Живопись же приводитъ умъ зрителей прямо и непосредственно къ самымъ предметамъ, какъ уже находящимся на лицо, и съ перваго взгляда и встрѣчи даетъ ясное и точное представленіе о нихъ. Воспользуюсь отече-

скимъ изреченіемъ: „о чемъ повѣствуетъ исторія, это живопись молча представляетъ путемъ подражанія“. Насколько дѣло превосходитъ слово, настолько изображеніе и подобіе дѣла превосходитъ звуки рѣчи при образованіи представленій о предметахъ. При помощи такого изображенія рѣчь часто становится болѣе наглядною и ясною. Благодаря словамъ нерѣдко рождаются недоразумѣнія и споры и въ умахъ являются обыкновенно разные взгляды; многіе даже противорѣчатъ и самимъ себѣ и другимъ и вступаютъ въ споры, колеблясь въ пониманіи того, о чемъ идетъ рѣчь. Но увѣренность, приобретаемая чрезъ созерцаніе видимыхъ предметовъ далека отъ всякаго сомнѣнія. Между обоими—и рѣчью и живописью—отношеніе настолько тѣсно, что въ одной и тойже книгѣ, какъ это нерѣдко можно видѣть въ древнихъ кодексахъ, предметы представляются попеременно то въ описаніи при помощи буквъ, то при помощи картинъ, и повѣствованіе въ этомъ послѣднемъ видѣ тождественно съ повѣствованіемъ словеснымъ. И какъ Евангельскія Писанія находятъ у христіанъ довѣріе, не требуя другихъ писаній и сочиненій, ихъ подтверждающихъ и за нихъ свидѣтельствующихъ для того, чтобы имъ воздавали честь и почтеніе, такъ и начертаніе священныхъ изображеній, будучи (по существу) однимъ и тѣмъ же съ Евангельскими Писаніями, удостовѣряетъ само себя и не нуждается въ стороннихъ доказательствахъ для того, чтобы представлять евангельскія событія и чтобы ему воздавалась честь равная съ Евангеліемъ. А если бы потребовалось свидѣтельство со стороны, то зачѣмъ выставлять иное, а не сослаться на подтвержденіе Евангелія? Итакъ, если Евангеліе, возглашаемое въ слухъ вѣрныхъ, ибо вѣра наша отъ слуха (Рим. 10, 17),

достойно такого почтенія, то живопись, воспринимаемая зрѣніемъ и въ самомъ ощущеніи дающая намъ одно и тоже наставленіе, или преимуществуетъ быстротою наученія, ибо зрѣніе болѣе чѣмъ слухъ пригоденъ для убѣжденія, или во всякомъ случаѣ не занимаетъ второго мѣста. И такимъ образомъ она должна быть наравнѣ съ Евангеліемъ.

6.—Астерій (справедливо здѣсь и его удостоить воспоминанія)—тотъ, котораго они считаютъ своимъ учителемъ, или какой другой,—Астерій въ словѣ о кровоточивой, дивясь усердію и ревности жены, которая она обнаружила по вѣрѣ въ Благодѣтеля своего, говоритъ, что воздвигнутая ею мѣдная статуя, изображавшая Христа, свидѣтельствовала въ пользу Евангельской проповѣди и побѣдила и постыдила насмѣхавшихся и глумившихся надъ нею Іудеевъ и Еллиновъ, ибо благодаря ей проповѣдь дѣйствительно казалась нагляднѣе. Не перенося ея изобличенія, нѣкоторые изъ нечестивыхъ и богоборныхъ правителей со временемъ рѣшились по Божію попущенію низвергнуть божественную статую. Тоже, мы видимъ, дѣлается по грѣхамъ нашимъ и въ наше время. Такъ какъ для обоихъ родовъ изображенія содержаніе одно и тоже, и предметы, ими представляемые, во всемъ подобны, то кто изъ людей съ здравымъ умомъ въ отношеніи къ вещамъ, между которыми нѣтъ различія, одну удостоить поклоненія, а другую предасть сожженію? Ибо если достойна почтенія одна, то необходимо и другая; если же недостойна почтенія эта, то недостойна его и та. Такъ какъ словесное и живописное повѣствованія ни въ чемъ не отличаются другъ отъ друга, то отмечающій одно изъ нихъ долженъ отвергнуть и все содержаніе Евангелія. О безуміе и глупость! Предъ нами память о Хри-

стѣ и имя Его. Кто же попираетъ ихъ? Можно-ли ихъ назвать христіанами? Конечно, нѣтъ. На это дерзають Іудеи, Еллины и варвары, ибо они враги и чужды нашей святой религіи; къ нимъ безъ сомнѣнія должны быть причислены и наши противники, какъ Христорборцы. Пусть соблазняются, какъ Іудеи, и юродствуютъ, какъ Еллины, ибо Христосъ проповѣдуемый Распятымъ, что есть тоже что и изображаемымъ, для Іудеевъ соблазнъ, а для Еллиновъ безуміе (1 Кор. 1, 23). Какъ слово о крестѣ и о томъ, что напоминаетъ Распятаго, для погибшихъ есть безуміе, а для насъ спасенныхъ Божія сила, такъ и живописныя изображенія одинаково представляютъ намъ крестъ и страданія и, если говорить правду,—даже больше—представляютъ знаменія и чудеса, которыя Онъ совершилъ. Предметъ почитанія въ обоихъ одно и тоже уничиженіе Христово.

7.—Но эти худые дѣлатели худа безстыдно винятъ насъ за то, что мы опираемся на простую вѣру и неписаное преданіе католической церкви. На это нужно отвѣтить имъ, что преданіе неписаное тверже всего, что оно есть основаніе и опора въ обиходѣ жизни; послѣ долгаго примѣненія оно дѣлается установившимся обычаемъ, а обычай, скрѣпленный долгимъ временемъ, пріобрѣтаетъ силу природы. А что можетъ быть сильнѣе природы? Если только нужно распространяться объ этомъ, мы видимъ, что само Евангеліе сначала было предано безъ письмени. Господь и Богъ нашъ, выступая на спасительную проповѣдь, не въ письмени изложилъ божественныя и дивныя законоположенія, не въ хартіи черниломъ написалъ свое возвышенное и спасительное ученіе, не на каменныхъ скрижаляхъ напечатлѣлъ его, какъ древле былъ начертанъ Моисеевъ законъ, а вложилъ его въ души

начертаннымъ и запечатлѣннымъ духовно, а не письменно. *Дая, говорить, законы моя въ мысли ихъ, и на сердцахъ ихъ напишу я* (Іер. 31, 33). То, что мы знаемъ о совершенномъ Самою Истиною—Христомъ, только по прошествіи нѣкотораго времени было начертано въ письмени. Неложный свидѣтель въ томъ есть божественный Лука (если только они признають его), полагающій въ основаніе своего Евангелія преданіе, какъ онъ о томъ самъ говоритъ: *понеже убо мнози начаша чинити повѣсть о извѣствованныхъ еъ насъ вещехъ, якоже предаша намъ, иже исперва самовидцы и слуги бывшии словесе* (Лук. 1, 1). Такъ говоритъ Евангелистъ. Можно также видѣть и въ священныхъ торжествахъ, въ божественной литургіи или въ другихъ службахъ, что не мало у насъ преданнаго безъ письмени, особенно много священныхъ пѣснопѣній. Въ противномъ случаѣ, откуда у насъ почитаніе самаго животворящаго древа? Почему спасительная Пасха согласно празднуется всѣми христіанами въ одинъ и тотъ же день, хотя во времена болѣе древнія не было такъ? Какое писаніе передало единогласно исповѣдывать каждый день святой символъ, если бы онъ сначала не существовалъ внѣ письмени? А что сказать объ очищеніяхъ, постахъ, о предпразднествахъ и попразднествахъ и о показанныхъ для нихъ торжествахъ, о совершеніи святыхъ таинъ, о причащеніи ихъ, о спасительномъ крещеніи и о многомъ другомъ, чего требуетъ порядокъ священнаго благолѣпія? Мы не будемъ говорить о молитвахъ и ходахъ въ извѣстныхъ мѣстахъ или о другихъ священнодѣйствіяхъ. Все это дошедшее до насъ мы приняли изъ неписаннаго, хорошо извѣстнаго, намъ преданія и все это мы чтимъ и уважаемъ, съ радостію пріедемъ и хранимъ не менѣе, чѣмъ писанныя законоположенія, ибо